

© 2004 г. О.Н. КРАСАВИНА

УПОТРЕБЛЕНИЕ УКАЗАТЕЛЬНОЙ ГРУППЫ В РУССКОМ ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНОМ ДИСКУРСЕ*

0. ВВЕДЕНИЕ

Данная статья посвящена проблеме употребления именных групп (ИГ) с указательным местоимением *этот* в русском языке и является исследованием по референциальному выбору. В момент формирования высказывания говорящий располагает определенным набором формальных средств для осуществления референции. Указательная именная группа является третьим по частоте референциальным средством после личных местоимений и скрыто-определенной полной именной группы. Тем не менее, несмотря на огромный интерес к явлению анафоры и референциального выбора в частности и большое количество работ, появившихся в рамках этой проблемы в последние два десятилетия, недостаточно изученным остается вопрос о характере факторов, ведущих к употреблению указательной именной группы. В настоящей работе данный вопрос занимает центральное место.

Для краткости условимся вместо термина "личное местоимение третьего лица" употреблять "местоимение", вместо "полной именной группы без указательного местоимения" – "простая ИГ", а вместо "полной именной группы с указательным местоимением *этот*" – "указательная ИГ", или "указательная группа".

Под указательной именной группой в данной работе мы будем понимать именную группу, либо включающую указательное местоимение *этот* в адъективном употреблении и существительное с атрибутами или без них (например *этот дом, этот высокий дом*), либо состоящую из указательного местоимения *этот* в субстантивном употреблении¹. Указательные местоимения также принято называть демонстративами, а рабочее название указательной ИГ в данной работе – группа *этот X*.

Известно, что инвентарь указательных местоимений в русском языке гораздо больше. Основными указательными местоимениями являются *этот, тот, такой*. В Академической грамматике русского языка [РГ 1980] к указательным "местоимениям-прилагательным" относят следующие местоимения. *тот, этот, такой, этак* (*разг.*), *таков, следующий*, а также слова *тот-то, такой-то*. Местоимение *этот* конкурирует с *это* по частоте встречаемости², однако *этот* превосходит *это* по референциальным возможностям: *это* может иметь антецедент, расположенный непосредственно в предшествующей предикации или совокупности предикаций, тогда как возможности *этот* строго не ограничены ни расстоянием, ни типом антецедента.

* Данное исследование поддерживалось грантом 03-06-80241а Российского фонда фундаментальных исследований

¹ В русском языке особняком стоит местоимение *это* (данное местоимение нужно рассматривать отдельно от случая, когда *это* – форма среднего рода местоимения *этот*), из-за специфики его употребления. Подробнее о местоимении *это* см. [Падучева 1985 164–179]

² Так, в первых девяти главах романа "Живые и Мертвые" К. Симонова [3] встречаются 383 употребления *это* и 331 употребление *этот X*.

В разделе 1 дается характеристика современного состояния проблемы, в разделе 2 критическому рассмотрению подвергается популярная когнитивно-лингвистическая модель Gundel et. al. [Gundel et. al. 1993] применительно к употреблению указательной группы в русском языке. В разделе 3 описываются типы употребления указательных ИГ, проявившиеся в результате исследования на материале корпуса примеров. В разделе 4 обсуждаются результаты, а в разделе 5 подводятся итоги исследования.

1. УКАЗАТЕЛЬНЫЕ ГРУППЫ В СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

1.1. Указательные группы в русской лингвистической традиции

В русской лингвистике указательные группы являлись объектом исследования в работах Е.В. Падучевой [1985], Л.И. Куликова [1985], О.Ю. Богуславской и И.А. Муравьевой [1987], о местоимении *тот* в русском языке писали А.А. Кибрик [1987], Г.Е. Крейдлин и А.С. Чехов [1988]. основополагающей работой в области указательных местоимений *этот* можно по праву назвать исследование Е.В. Падучевой, которое мы и рассмотрим далее. Работа Е.В. Падучевой посвящена анафорическому употреблению *этот*. Указательная ИГ противопоставлена в своем употреблении местоимениям и простым ИГ (в терминах Е.В. Падучевой, скрыто-определенным ИГ) из-за различия в значении. Так, указательные местоимения могут употребляться по отношению к объектам, "уже" находящимся в "общем поле зрения говорящих", то есть на момент произнесения высказывания принадлежащим общим знаниям говорящего и слушающего, "когда нужно дать категоризацию объекту или сменить ее на другую" [Падучева 1985:159]. Например, *рассказы о похождениях бравого солдата Швейка* при втором упоминании выступают как *эта книга*. В отличие от местоимений, указательная ИГ может иметь

- предикативный антецедент (напр., *Вася писал диплом, и эта деятельность занимала его полностью*; пример наш);
- антецедент в виде "анафорического острова" (напр., *Вася посещал дельфинарий с диктофоном. Эти звуки он использовал для исследования*; пример наш);
- антецедент, имеющий автонимное употребление (*В статье, названной "Такси", анализируются некоторые недостатки этого вида транспорта*; пример Е.В. Падучевой [1985: 159]).

Кроме того, Е.В. Падучева описывает ряд особенностей употребления указательной ИГ, которые можно было бы обобщить следующим образом:

- 1) *этот* типично сочетается с существительными-названиями категорий (*этот человек, эта книга*), а также со словами *факт, вопрос, ситуация* и другими существительными с семантическим актантом "содержание";
- 2) *этот* X употребляется, если "объект" обладает «повышенной степенью выделенности (salience) в ситуации наличия других "объектов"» (*Я хочу поговорить о Петле Петрове. Этот мальчик стал плохо учиться* [Там же: 160]);
- 3) *этот* X употребляется, чтобы ввести "объект" "в общее поле зрения говорящих";
- 4) *этот* X употребляется, чтобы компенсировать опущение рестриктивного определения с неконкретно-референтным (нереферентным) антецедентом, и таким образом берет на себя рестриктивную функцию (*Точность аргументации особенно важна в естественных науках. Для этих наук недосказанные утверждения не имеют смысла* [Там же: 161]);
- 5) *этот* X употребляется в позиции контрастного начала (*В этом дворе есть собака* [Там же: 162]; здесь, видимо, подразумевается контрастное ударение);
- 6) *этот* X, как правило, не употребляется в позиции субъекта (*Они переехали в большой каменный дом на Гороховском. Дом мне хорошо известен. ср. Я хорошо знаю этот дом* [Там же: 162]);

7) *этот* X употребляется при свободном стыке ("стык, сбивающий повествование переходом к прошлому, будущему" или к "фактам, не локализованным во времени") – ср. пример (1б), тогда как при жестком стыке ("стык между предложениями, описывающими одновременные или смежные по времени действия или состояния одного и того же объекта") употребляется простая ИГ [Там же: 163] – ср. (1а):

(1) а. *За рекой расстился луг. На лугу паслись коровы.*

б. *За рекой расстился луг. На этом лугу в прошлом году паслись коровы.*

В работе Е.В. Падучевой охвачено большое количество случаев употребления *этот* X. И все же остается неясным, какие факторы предопределяют употребление именно указательной группы с местоимением *этот*, а не простой ИГ или местоимения, так как вышеперечисленные условия могут также выполняться и для простых ИГ/местоимений. Также не до конца ясно, как действуют некоторые факторы. Так, в ряде примеров показано, что употребление указательной группы обуславливается изменением категориальной принадлежности, и в то же время далее делается оговорка, что изменение категориальной принадлежности не обязательно требует указательной группы, а есть еще и другие факторы, влияющие на ее употребление.

В настоящей статье мы будем исходить из того, что модель употребления некоторого референциального средства должна не только описывать некоторые случаи употребления, но и подтверждать или опровергать гипотезы о влиянии тех или иных факторов. Метод, используемый в данной работе, основан на исследовании корпуса естественных дискурсов. Прежде чем перейти к описанию наших собственных результатов, необходимо остановиться на дискурсивно-ориентированных изысканиях других авторов.

1.2. Указательные группы в зарубежных исследованиях

Одним из популярных направлений в работах, посвященных анафорической проблематике, является "теория связывания" [Reinhart 1983]. Т. Рейнхарт использует в своих трудах придуманные, сконструированные примеры. Это, как правило, тексты, состоящие из двух-трех предложений. Цель подобных работ – определить условия, при которых рассматриваемое местоимение можно или нельзя интерпретировать как кореферентное предполагаемому кандидату в антецеденты, который обычно является именем собственным, обозначающим человека. В [Leech 1983; Levinson 1995; Takami 1987; Geluykens 1994; Huang 2000] предлагался синтактико-прагматический подход. Так, в [Huang 2000] предлагается модель, выполненная в духе так называемой "нео-грайсовской" (neo-Gricean) традиции. Суть этой модели заключается в предсказании анафорического распределения в дискурсе в терминах систематического взаимодействия нескольких общих прагматических стратегий.

Основным положением работ по дискурсивной анафоре является то, что анафора – явление дискурсивной природы и предопределяется дискурсивными факторами. Такие работы используют реально встречающиеся в естественном языке, а не сконструированные примеры, что удовлетворяет очевидному требованию к высокому качеству материала, необходимого для подобных исследований.

В работе Гивона [Givón 1983] была предложена модель топикальной непрерывности. Согласно этой модели, чем активнее референт, тем более экономное средство используется для его кодирования. В работах Ариель [Ariel 1994] и Гундел и др. [Gundel et al. 1993] произведена попытка описания когнитивных статусов, соответствующих формальным средствам различной "эксплицитности". Ариель использует в своей работе когнитивно-психологический подход и утверждает, что анафор является индикатором определенной степени доступности и потенциального референта в памяти. В соответствии с этой степенью доступности и происходит выбор антецедента. Как отмечает Ариель, задача говорящего при осуществлении референции заключается в

том, чтобы выбрать референциальное средство, маркирующее уровень когнитивной доступности нужного референта. Ариель выделяет три уровня доступности: 1) высоко доступный; 2) средне доступный; 3) низко доступный. Указательные местоимения ближнего дейксиса соответствуют "средней доступности". Похожая иерархия предложена в работе [Gundel et. al. 1993] (см. ниже).

Кронрод и Энгель [Kronrod, Engel 2000] проверили действенность модели Ариель на материале газетных заголовков. Результаты показали, во-первых, что иерархия доступности одинаково применима к разным "газетным" жанрам, а во-вторых, что определенная степень доступности референта необходима для употребления некоторого специфического референциального выражения, но не достаточна – есть еще и другие факторы. Кронрод и Энгель установили два таких фактора: требование краткости и цель вызвать любопытство. При наличии этих факторов употребляются референциальные выражения, соответствующие, согласно иерархии Ариель, более высокой степени доступности.

Более подробной оценке одной из когнитивных моделей, а именно, модели Гундел и др. [Gundel et. al. 1993], применительно к русскому повествовательному дискурсу, посвящен следующий раздел настоящей статьи.

2. КОНЦЕПЦИЯ ГУНДЕЛ И ДР. [GUNDEL ET. AL. 1993]

Концепция Гундел и др. [Gundel et. al. 1993] широко известна среди специалистов, работающих в области анафоры. Далее будет идти речь именно об этой модели, в связи с ее более общим характером, по сравнению с другими аналогичными моделями [Givón 1983; Ariel 1994]. Эта модель предполагает наличие шести когнитивных статусов референта, где каждый статус является необходимым и достаточным условием для использования определенной референциальной формы. "Стрелка" действует и в обратном направлении: употребление говорящим определенной референциальной формы свидетельствует об определенном когнитивном статусе подразумеваемого референта, тем самым давая адресату информацию о степени активации референта в рабочей памяти говорящего.

В отличие от Ариель, Гундел и др. основывают свою иерархию на понятиях памяти и внимания. Вместо уровней доступности выступают уровни активации³. Самый высокий уровень активации – "в фокусе", самый низкий – "неконкретно-референтный". Обладание более высоким статусом активации имплицитно подразумевает обладание более низким статусом. Присвоение конкретного значения активации в контексте осуществляется посредством взаимодействия с двумя принципами Грайса [Grice 1975]: 1) не делай свое высказывание менее информативным, чем требуется и 2) не делай свое высказывание более информативным, чем требуется. Так, по мнению Гундел и др. [Gundel et. al. 1993], референция к объекту, обладающему когнитивным статусом "активированный", производится посредством указательных ИГ, при этом указательные местоимения не могут использоваться при референции к референту со статусом "в фокусе", так как в этом случае будет нарушен первый принцип – "не делай свое высказывание менее информативным, чем требуется". При референции к объекту, скажем, со статусом "уникальный" будет нарушен второй принцип – "не делай свое высказывание более информативным, чем требуется". Формальные средства, соответствующие определенному когнитивному статусу, могут варьировать в зависимости от языка.

Согласно иерархии данности (см. Таблица 1), указательные местоимения имеют промежуточный когнитивный статус, т.е. употребляются при референтах с "проме-

³ В моделях Ариель и Гундел под уровнем доступности, или активации, имеется в виду предположительная доступность, или активация конкретного референта в дискурсивной модели слушающего [Ariel 1990; Gundel et. al. 1993].

Статусы активации и соответствующие им референциальные формы [Gundel et. al. 1993]

В фокусе (in focus)	Активированный (activated)	Известный (familiar)	Уникальный (uniquely identifiable)	Референтный (referential)	Неконкретно- референтный (type identifiable)
it	that this this N	that N	the N	indefinite this N	a N
он Ø	это to	atom X mom X	Ø X	Ø X	Ø X

Таблица 2 (подробнее см. [Кибрик 1997])

Факторы активации и их числовые показатели

Фактор активации	Значение	Числовой показатель активации
Риторическое расстояние до антецедента	1	0.7
	2	0.4
	3	0
	4+	-0.3
Расстояние в абзацах	0	0
	1	-0.2
	>	-0.4

жуточной активацией", располагаясь в иерархии данности между местоимениями, которые употребляются при высоко активированных референтах, и простыми ИГ, употребляющимися при низко активированных референтах. Наша цель – проверить, действительно ли указательным группам соответствуют референты с промежуточной активацией и является ли вообще некоторый определенный уровень активации необходимым и достаточным условием для употребления указательной группы.

В модели Гундел и др. [Gundel et. al. 1993] не представлено независимого способа определения когнитивного статуса. Поэтому для измерения уровня активации мы воспользовались моделью А.А. Кибрика [1997], исходно предназначенной для описания выбора между местоимениями и простыми ИГ. Согласно [Кибрик 1997; Kibrik 2000], существует целый ряд факторов (около десятка), влияющих на активацию референта. Каждый фактор имеет числовое значение, в соответствии с большей или меньшей степенью влияния фактора на активацию. В сумме эти числовые значения образуют так называемый коэффициент активации. В Таблице 2 (из [Кибрик 1997]) в качестве примера представлены два фактора активации с соответствующими числовыми значениями – фактор расстояния до антецедента по риторической (иерархической) структуре дискурса и фактор расстояния до антецедента в соответствии со структурой абзацев. Выбор между простыми ИГ и местоимениями происходит в зависимости от коэффициента активации, значения которого варьируют от нуля до единицы (см. Таблица 3 из [Kibrik 2000]). Так, например, при значении, равном единице, будет употреблено местоимение или референциальный нуль, при 0.1 – полная именная группа, а при, скажем, 0.7 – либо полная ИГ, либо местоимение/нуль. Кроме того, существуют дополнительные факторы, влияющие на референциальный выбор, которые играют роль

Референциальные стратегии в русском нарративном дискурсе

Референциальное средство:	Только Полная ИГ	Полная ИГ, местоимение/Ø	Либо полная ИГ, либо местоимение/Ø	Только местоимение
Коэффициент активации (КА):	0–0.3	0.4–0.6	0.7–0.9	1

"фильтров". В некоторых случаях – например, при наличии двух достаточно активированных кандидатов в антецеденты – даже при высокой активации нужного референта употребление местоимения может "отфильтровываться" в силу потенциальной неоднозначности, или референциального конфликта.

Более подробно методика подсчета активации описывается в [Кибрик 1997; Kibrik 2000]. Применим ее к нескольким примерам употребления указательной ИГ. В (2) КА равен 0.9; в (3) – 1.1⁴; в (4) – 0.

(2)

Синцову так и не удалось переубедить их. Они ему не поверили, но очень обрадовались, когда он, нащупав в кармане шинели банку консервов, которую ему вчера дал военюрист, предложил им поест перед дорогой. В банке оказались кильки, и они втроем съели эти кильки без хлеба и воды [3].

(3)

В тот день я убил четырех зайцев. Поблизости от нашей базы ютилось в землянке несколько семей, которым мы помогли чем придется. На обратном пути после охоты я завернул в одну землянку, где жила женщина с двумя детьми. С этой женщиной я договорился, что она сошьет мне и двум моим друзьям плавки [2].

(4)

Во время урока, пользуясь долгим отсутствием завуча, она мне рассказала притчу о возе сена. Суть ее заключалась в том, что, оказывается, мой отец был когда-то управляющим какого-то сказочного сада, и в том году отец этого завуча, державший в городе корову, попросил у моего отца накосить сена для своей коровы. Отец ему дал накосить сена, и тот впоследствии вывез из сада огромный воз сена, так и не заплатив отцу ни копейки. Почему-то считалось само собой разумеющимся, что деньги за воз сена он должен был заплатить не государству, которому принадлежал сад, а отцу. Притча эта, рассказанная сквозь зубы, с одинаковой силой была направлена и против завуча, и против отца. Мать считала, что отец слишком много времени проводит в кофейнях и слишком мало зарабатывает на семью. Сейчас я думаю, что брат мой, может быть, держался в школе отчасти за счет этого воза сена, но ко времени моего поступления он использовал его до последней травинки, так что на меня ничего не осталось [1].

Мы видим, что указательным ИГ может соответствовать не только промежуточный уровень активации, но также очень высокий и очень низкий. Далее, нетрудно найти контексты, где а) при одинаково сильной активации одинаково возможны как местоимение, так и указательная ИГ и при одинаково слабой – как простая ИГ, так и

⁴ В количественной системе А.А. Кибрика [1997] значения больше единицы приравниваются к единице, а меньше нуля – к нулю.

указательная ИГ; б) при одинаковом уровне активации указательная ИГ предпочтительна, тогда как в другом аналогичном контексте – невозможна.

При слабой активации, согласно гипотезе Гундел и др. [Gundel et. al. 1993], предполагается употребление простой ИГ, а при сильной – местоимения. В (4) была употреблена указательная ИГ, хотя нельзя исключить возможность употребления и простой ИГ. В (5) при сильной активации употреблена указательная ИГ, хотя возможно и местоимение:

(5)

Синцов хотел увезти от опасности бросившихся к нему за спасением людей. Капитан хотел спасти дело, бросив этих людей (их) в бой [3].

Следующие четыре примера однотипны с точки зрения уровня активации, однако в трех примерах возможен разный референциальный выбор. В примере (6) возможна как простая ИГ, так и указательная ИГ, в примере (7) простая ИГ невозможна, а в примере (8) невозможна указательная ИГ.

(6)

Сейчас, узнав об англичанине, перелетевшем Ла-Манш, мне стало горько за Виктора Максимовича и стыдно за себя. Англичанин (этот англичанин), вероятно, получит премию в сто тысяч фунтов [2].

(7)

*Сверху лежала фотография красивой женщины с круглым лицом и большегубым, припухлым, улыбающимся ртом. Синцов твердо знал, что где-то видел эту женщину (*женщину), но не мог вспомнить ни когда это было, ни где [3].*

(8)

*Все же им не хотелось прямо отказывать почетным гостям, и они, как мне кажется, устроили небольшой спектакль, главным героем которого оказалось дерево карагач. Они признавали, что Зану похоронили под карагачем (*этим карагачем), но по вопросу, где именно рос этот карагач, высохший и порубленный на дрова еще в начале нашего века, у стариков возникли непримиримые разногласия [2].*

Итак, указательным местоимениям, в отличие от местоимений и простых ИГ, нельзя поставить в соответствие какого-то определенного промежутка на шкале активации. Наличие некоторого определенного уровня активации не является автоматической инструкцией к употреблению указательной ИГ. На этом этапе возникает следующий вопрос: какие факторы являются такой инструкцией? В последующих разделах будет описано корпусное исследование, целью которого являлось найти эти факторы.

3. КЛАССИФИКАЦИЯ УПОТРЕБЛЕНИЙ УКАЗАТЕЛЬНЫХ ГРУПП: ИССЛЕДОВАНИЕ НА БАЗЕ КОРПУСА ПРИМЕРОВ

3.1. Методология сбора и анализа материала

Общий объем текстов, на материале которых производился поиск примеров, составляет около 800 тыс. знаков без пробелов (180 тысяч слов). В качестве материала исследования были выбраны письменные повествовательные тексты, в основном художественная проза. По сравнению с простыми ИГ и местоимениями, указательные ИГ обладают относительно низкой частотностью: на тысячу слов приходится 180 простых ИГ, 39 местоимений и всего 5 указательных ИГ. Всего в корпусе оказалось 700 примеров употребления указательной ИГ. Ряд случаев употребления указательных ИГ мы исключили из рассмотрения. Это прежде всего те случаи, которые

функционально маркированы и требуют дополнительного изучения. Всего из корпуса было исключено около 30% указательных групп. Под ограничения подпали следующие указательные группы:

- сочетание указательного местоимения с притяжательным местоимением типа *этот твой*;
- *весь этот*;
- *этот самый*;
- *вот этот*;
- *этот же*;
- *этот-то*;
- лексикализованные выражения типа *на этот раз*, *на этот счет* и т.п.;
- *он*, *этот X* и любые другие контексты внутренней и прямой речи;
- употребления, производные от дейктического: *в этом месте*, *в это время*, *в этот день*, *в этой книге*, *в этой истории* и т.п.

В процессе исследования выяснилось, что для указательных ИГ отсутствует общая модель употребления. Это значит, что употребление указательных ИГ следует изучать для каждого отдельного класса возможных употреблений. Распределение различных типов указательных ИГ оказалось крайне неравномерным: некоторые типы являются очень частотными, тогда как другие – очень редкими. При анализе материала неоднократно приходилось производить дополнительный набор примеров для проверки выдвигаемой гипотезы, если примеров предполагаемого типа было недостаточно. Объем выборки, использовавшейся для выдвижения и проверки гипотез, составил 217 примеров (источники перечислены в конце статьи). Чтобы избежать "одностороннего" выдвижения гипотез, в дополнение к имеющимся 217 примерам было собрано небольшое количество (всего 37) примеров употребления простых ИГ.

Далее мы рассмотрим отдельно каждый из типов употребления указательных ИГ, выявленных в результате корпусного исследования.

3.2. Тип I. Указательная ИГ "замещает" местоимение и простую ИГ

Выделение данного типа основано на следующем наблюдении: указательные ИГ часто употребляются в тех случаях, когда базовые референциальные средства (местоимения и/или простые ИГ – в зависимости от уровня активации) употребляться не могут. Существует ряд факторов, запрещающих употребление местоимения, простой ИГ или и того, и другого. Эти факторы выполняют роль фильтров, которые запрещают приоритетное при данной активации референциальное средство, так что единственным возможным референциальным средством остается указательная ИГ. На Рис. 1 схематично изображен процесс референциального выбора указательных ИГ, соответствующих данному типу употребления.

Механизм употребления указательных ИГ, соответствующих типу I

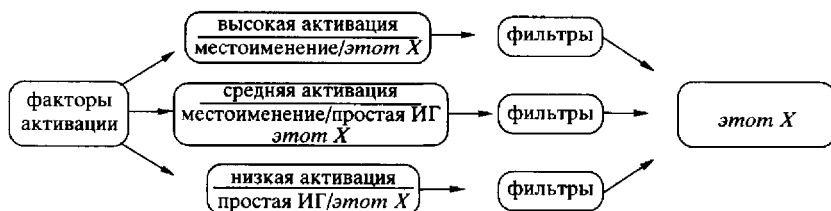

Рис. 1

Если местоимение не может употребляться вследствие действия запретов на употребление местоимения (9) и контекст не является типичным контекстом для употребления простой ИГ, вместо местоимения выступает указательная ИГ. В качестве примера такого запрета (фильтра) можно привести референциальный конфликт (9):

(9)

*За это время на стенах появились большие снимки всяких ран до и после лечения аппаратами. Перед аппаратом майора висели три снимка, на которых были руки, такие же, как у него, ставшие вполне нормальными после лечения. Не знаю, где врач достал эти снимки (*их). Я всегда думал, что нас первых лечат этими аппаратами. Но майору снимки не внушали никакой надежды, – он смотрел мимо них, в окно [7].*

Всего к типу I относится 29% примеров из корпуса. Рассмотрим другие примеры ограничений. Так, в (10) анафор является определительным словом для причастного оборота.

(10)

*Все же им не хотелось прямо отказывать почетным гостям, и они, как мне кажется, устроили небольшой спектакль, главным героем которого оказалось дерево карагач. Они признавали, что Зану похоронили под карагачем, но по вопросу, где именно рос этот карагач (*он), высохший и порубленный на дрова еще в начале нашего века, у стариков возникли непримиримые разногласия [2].*

В (11) указательная ИГ "замещает" простые ИГ. Простая ИГ невозможна или звучит значительно хуже, чем указательная ИГ, из-за стилистического запрета, характерного для русского языка, на полный повтор простой ИГ на близком расстоянии:

(11)

*Пьяный время от времени мощным ударом ноги проламывал забор своего дома, ругал своих домочадцев всеми непотребными словами, отчасти эти непотребные слова (*непотребные слова) обрушивались на редких прохожих и на нас, глазеющую толпу [1].*

В контексте отрицания при генитиве происходит следующее явление: при отрицании референта, происходит отрицание всех его характеристик – в примере (12) употребление простой ИГ "надежды не было" значило бы, что вообще никакой надежды не было. При употреблении указательной ИГ становится ясно, что имеется в виду "надежда получить взамен сбитой новую машину":

(12)

*Но слова капитана мало тронули летчика. Будь у него надежда получить взамен сбитой новую машину, он бы и сам не остался здесь, но этой надежды (*надежды) у него не было, и он решил драться на земле [3].*

Следующий фактор, способствующий употреблению указательных ИГ – это повторное упоминание референта в посессивной конструкции (пример (13) и (14)). Простая ИГ, которая могла бы являться альтернативным референциальным средством при низкой активации, здесь невозможна.

(13)

Вы выходите из Старого города через Львиные ворота и перед вами открывается Кедронская (Иософатова) долина, по дну которой струится ручей. Узкое и глубо-

кое ложе Кедрона – это многовековое кладбище, на котором гробницы разных времен и народов тысячелетиями насаивались друг на друга. Кто из верующих не знает имени этой долины (*долины)! Оно связано библейским пророчеством с днем Страшного Суда [7].

(14)

Всегда он читал одного и того же лагерного поэта, с кем свела его судьба, а потом наглухо раскидала по разным лагерям. Несмотря на косноязычие некоторых строк, стихи этого поэта (*поэта) казались мне удивительными [2]

3.3. Тип II. Модификация существующей репрезентации референта

В основе данного типа лежит случай, когда репрезентация референта уже активирована в дискурсе. Обозначение этого референта посредством указательной ИГ влечет за собой не просто установление идентификации между анафором и референтом, а **модификацию** репрезентации этого референта. Говорящий в момент порождения высказывания имеет некоторое представление о том, какая репрезентация данного референта является активированной в данный момент времени в сознании адресата. Если эта репрезентация отличается от той, что находится в сознании говорящего, употребляется указательная ИГ. Таким образом адресат получает инструкцию искать информацию об этом отличии либо в контексте, к которому принадлежит антецедент, либо в непосредственном контексте идентифицируемого референта, либо в свойствах самой лексемы, которая употреблена в составе указательной ИГ, как, скажем, принадлежность к некоторому классу. В примере (15) референты "мужество" и "железная воля" относятся к категории "качества характера". С целью выделения интересующих нас референтов из категории, к которой они принадлежат, используется указательная ИГ, состоящая из указательного местоимения *этот* и существительного, которое является названием категории.

(15)

Его любили по-разному: безаветно и с оговорками, и любясь и побаиваясь; иногда не любили. Но в его мужестве и железной воле не сомневался никто. А как раз эти два качества и казались сейчас необходимей всего в человеке, стоявшем во главе воевавшей страны [3].

Идея модификации представлена в работе Маэса и Нордмана о нидерландских демонстративах ближнего дейксиса [Maes, Noordman 1995]. Такие случаи, как пишут Маэс и Нордман, покрывают практически все употребления указательных ИГ в нидерландском языке. Мы будем придерживаться некоторых аспектов их классификации, а также допущения, что лексемы, входящие в указательную группу и ее антецедент – не полностью идентичны. В нашем корпусе случаи, которые подходят под определение данного типа, составляют 59% всех примеров.

Данный тип подразделяется на четыре подтипа: 1) классификация, 2) экспликация контекстных характеристик, 3) атрибуция и 4) номинация. Подтипы различаются между собой характером активируемой информации. Так, при подтипе "**классификация**", это информация о категории, которой принадлежит референт, как в примере (15). К этому подтипу принадлежат 21% примеров всех случаев "модификации".

При подтипе "**экспликация контекстных характеристик**" указательная ИГ активизирует информацию о референте, содержащуюся в контексте (выраженную в контексте или выводимую из контекста, но не включавшуюся ранее в антецеденты). При этом идентификация референта происходит "по умолчанию". В результате анафор и антецедент лексически различны. В (16) *фавн* именуется как *этот гость из морской*

пучины. Во-первых, благодаря употреблению указательной ИГ, адресат понимает, что речь идет о том человеке, о котором шла речь в предыдущих предложениях. Во-вторых, в рабочей памяти адресата также активируется информация о том, что этот человек – "гость из морской пучины".

(16)

Широкие смуглые плечи и могучая грудь поднялись над бортом, и огромный человек легко и бесшумно прыгнул на палубу. Браун с восхищением смотрел на пришельца. Все, что он вычитал в книгах, заставляло его без колебаний признать фавна в этом госте из морской пучины [7]

Подтип "экспликация контекстных характеристик" – самый частотный вид модификации. Ему принадлежат 58% примеров модификации, то есть больше половины.

При подтипе "**атрибуция**" дополнительная информация, которая подлежит активизации, содержится в указательной группе, ср. (17). Употребление указательного местоимения в этой ИГ влечет за собой активацию атрибутивной информации. В данном фрагменте дискурса речь идет об *атаке*. Однако автор считает нужным добавить к этому референту новый признак "*шестая за день*" и активировать его в рабочей памяти адресата.

(17)

Короткая передышка кончилась, и немцы снова пошли в атаку раньше, чем Серпилин успел толком поговорить со Шмаковым. Как только началась атака, новый комиссар взял провожатого и пошел в батальоны знакомиться.

– Начиная с левофлангового, с третьего, – посоветовал Серпилин. – Тут поближе. – А про себя добавил: "*И потише*".

– Что комиссар сразу не стал околачиваться на КП, пришлось по душе Серпилину, и тем более захотелось побережь его в меру возможности.

– Пока продолжалась *эта шестая за день атака*, Зайчиков оставался в полку [3].

К подтипу "атрибуция" относится 19% примеров типа "модификация".

Последний подтип, который мы выделяем внутри типа "модификация", – "**номинация**". Этот подтип грамматикализированный. Схематично его можно изобразить как "*Этот X называется Y*". Объекту "*город*" присваивается имя "*Иерусалим*". Полная ИГ и местоимение здесь невозможны. Ср. пример (18):

(18)

*В мире есть только один город, в который нельзя спуститься, в него можно только восходить, оставляя около его древних стен остатки своей гордыни и прежней, далеко не праведной жизни. Этот город (*он, *город) – Иерусалим* [7].

"Номинация" – наименее частотный подтип в рамках этого типа. Он составляет всего 2% всех случаев "модификации".

3.4. Тип III. Выделение из множества

Случаи, принадлежащие данному типу, можно охарактеризовать следующим образом. Указательная группа находится на расстоянии одной предикации до антецедента. Множество, из которого производится выбор, состоит не меньше, чем из двух объектов, и один из объектов противопоставляется другим объектам этого множества. Так, в примере (19) происходит выбор "из всех прочих цветов".

(19)

*Этот чуть выше человеческого роста обелиск за каких-нибудь десять лет, что я его помнил, несколько раз менял свою окраску: был то белоснежный, беленный перед праздниками известкой, то зеленый, под цвет солдатского обмундирования; однажды проездом по этому шоссе я видел его блестяще-серебристым, как крыло реактивного лайнера. Теперь же он был серым, и, пожалуй, из всех прочих цветов **этот** наиболее соответствовал его облику [7].*

Контрастное ударение является характерной чертой большей части примеров этого типа. Примеры, принадлежащие данному типу, составляют 4% нашего корпуса.

Существуют случаи, когда происходит более эксплицитное сопоставление, чем в (19): указательная именная группа употребляется для выражения контраста. Особенность типа сохраняется – ударение падает не на существительное, а на указательное местоимение, только помимо этого для противопоставления используется местоимение дальнего дейксиса (*тот*), на которое тоже падает ударение, ср. (20) с употреблением *этот*-адъективного и (21) с употреблением *этот*-субстантивного. Иногда для усиления контрастности используется слово "именно", при этом ударение сохраняется на *этот*, ср. (22).

(20)

*Начальник Борисовского гарнизона, по слухам, находился где-то на Минском шоссе, но не **по эту сторону Борисова**, а **по ту** [3].*

(21)

*Раненых перевязывали двое: старая кривобокая инвалидка-сестра и врач, огромный старик с лицом льва и руками еще сильными и умелыми, но то и дело подрагивавшими, то ли от старости, то ли оттого, что и здесь над душой стоял немец. Только **тот немец** говорил: "Генуг! Генуг!" [*Хватит! Хватит!*], а **этот** повторял: "Шнеллер! Шнеллер!" [3].*

(22)

*Уходя на фронт командовать полком, он верил, что придет время, когда ему еще прикажут сдать полк и принять **дивизию**. Но кто мог предвидеть, что ему придется принимать **именно эту дивизию** и при таких обстоятельствах! [3].*

3.5. Тип IV. Пейоративное употребление

Данный тип представляет собой особое употребление *этот* X, которое, вероятно, встречается не только с именами, хотя с именами наиболее рельефно, – употребление, которое предполагает негативность (23), пренебрежение (24), иронию (25), или, шире, дистанцирование говорящего от референта. В русском языке значение дистанцирования считается характерной чертой указательных местоимений дальнего дейксиса (*тот*), см. [Крейдлин, Чехов 1989; Кибрик 1987]. Необходимо констатировать, что *этот* – местоимение близкого дейксиса – используется для дистанцирования. Субстантивное *этот* тоже может иметь такое употребление, как и адъективное *этот* (ср. пример (25)). Возможно, *этот* в пейоративном употреблении и *тот* представляют два разных типа дистанцирования.

(23)

*И потому, скажем, математичке какой-либо бином Ньютона в сто раз дороже всей поэтики Пушкина. А для языковеда умение обособлять деепричастные обороты – мерило всех достоинств школьника. За эти свои запятые он готов ребенка на второй год оставить. Математичка тоже. И никто не подумает, что **этот бином**, может, – и наверняка – никогда в жизни ему не понадобится [7].*

(24)

Старший лейтенант не поверил Синцову, и Синцов чувствовал себя несчастным, несмотря на то что он не уважал этого старшего лейтенанта и не чувствовал себя виноватым ни перед кем, а уж тем более перед ним [3].

(25)

Мне показалось странным, что он это сделал, провожая меня в класс, и главное – не стыдясь моего присутствия. Я вспомнил, что именно так мой сумасшедший дядюшка наблюдал сквозь щелки в кухонной пристройке за одной женщиной из нашего двора, в которую он был влюблен. Но он этого никогда не делал, если знал, что кто-то за ним следит. А этот прямо при мне подглядывает [1].

Примеры пейоративного употребления указательных ИГ являются достаточно редкими – они составляют всего 5% нашего корпуса, однако несомненно пейоративное употребление – явление особой природы, а такие примеры следует выделять в отдельный тип употребления указательных ИГ.

Кроме примеров, которые можно отнести к одному из вышеописанных типов, есть также случаи, которые не подходят под определение ни одного из них. Так, в примере (26) мы видим, что антецедент (*полтора*ста человек) и анафор (*сто пятьдесят* человек) – лексически неидентичны, хотя при этом они идентичны семантически. Получается, что с одной стороны, в силу лексического несовпадения, этот тип подходит под определение экспликации, а с другой стороны, из-за семантической идентичности, едва ли в данном случае можно говорить о модификации.

(26)

*Было солнечное утро. Полтора*ста человек, оставшихся от серпилинского полка, шли густыми лесами днепровского левобережья, спеша поскорей удалиться от места переправы. Среди этих *ста пятидесяти* человек каждый третий был легко ранен [3].

4. РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

На Рис. 2 представлено количественное распределение типов употребления указательных ИГ в нашем корпусе.

Частотность типов употребления всех указательных ИГ в корпусе

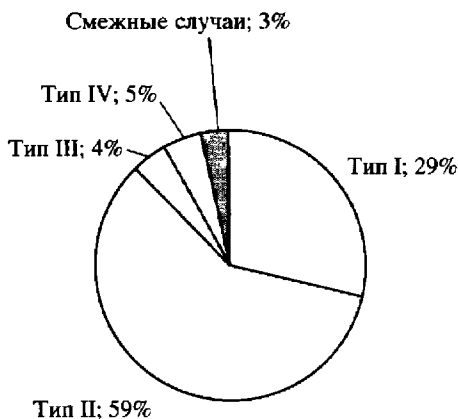

Рис. 2

Итак, из нашего корпуса мы извлекли следующие выводы. Указательные ИГ употребляются: 1) при "замещении" простых ИГ/местоимений, если употребление последних запрещается различными факторами-фильтрами (как при лексической неидентичности, так и при лексической идентичности антецедента и анафора); 2) при модификации репрезентации референта (при лексической неидентичности антецедента и анафора); 3) при контрастивном выделении референта из множества; 4) при придании референту пейоративного значения.

Рассмотрим указательные ИГ с точки зрения их более общих, фундаментальных свойств. Так, в (27): референт – неконкретно-референтный сам по себе (*радость*), но контекстная информация конкретизирует его при первом упоминании. При втором упоминании конкретизирующую функцию берет на себя указательная ИГ: "*радость*" – это "просто *радость*" (неконкретно-референтный статус). *Эта радость* – значит радость, возникающая у человека, когда он вылезает из окопа, дышит свежим воздухом и видит звезды. В (28) одинаково возможны и указательная ИГ, и местоимение, и простая ИГ. Единственное, чем здесь можно объяснить употребление указательной ИГ – это желанием автора подчеркнуть тот факт, что *эта кружка* – громадная, литая, с жульническим толстым дном.

(27)

Мы вылезает из окопа. Сумерки уже плотно застлали землю, и в небе загораются первые одинокие звезды. Удивительно, как хорошо тут – привольно и широко, как много воздуха! И я думаю, как мало надо человеку, чтобы почувствовать незамысловатую прелесть жизни, коротенькую, на несколько минут, радость. Потом эта радость исчезнет, человек слишком быстро привыкает к хорошему и перестает ощущать его [3].

(28)

И тут же мигом одна рука проворно отдирает за кольцо круглую крышку рундука и лезет в глубокий ледяной сумрак за бутылкой, в то время как другая вытирает тряпкой и без того сухой белый прилавок, полагает в ведре громадную литую кружку с жульническим толстым дном, щегольски переворачивает эту кружку (ее, кружку) и со стуком ставит перед покупателем [4].

Представляется обоснованным выделить три функции, которые являются сугубо специфическими для употребления указательных ИГ, в отличие от простых ИГ и местоимений. Использование понятия функции вносит большую ясность в то, как употребляются указательные ИГ. Это значит, что множество разных случаев употребления, которые часто бывает трудно строго отнести к какому-то определенному типу употребления, можно объяснить с точки зрения фундаментальных свойств, которые стоят за всеми этими случаями. Далее мы отдельно рассмотрим каждую из трех выделенных функций.

1. Прототипической функцией указательных ИГ является указание на объект, выделение одного объекта из множества. В некоторых случаях (которые соответствуют типу III) эта функция представлена более эксплицитно, как, например, в примере (19) выше, где производится выбор одного цвета (серого) из множества цветов (белоснежного, зеленого, блестяще-серебристого). В некоторых случаях эта функция представлена менее эксплицитно, как в примере (29):

(29)

В танковом училище все двери были распахнуты настежь – и хоть шаром покати! Только на плацу стояли две танкетки с экипажами. Они были оставлены здесь впредь до дальнейших распоряжений. Но этих распоряжений уже сутки не поступало [3].

"Распоряжений не поступало" – это значит, что никаких распоряжений не поступало. Отрицание всех характеристик объекта – особенность генитива при отрицании. Употребление же указательной ИГ будет интерпретировано как "дальнейших распоряжений не поступало".

2. Вторую функцию употребления указательных ИГ мы назовем функцией отождествления. Указательные ИГ употребляются в этой функции, когда два соседних упоминания референта не являются очевидно тождественными. Функция отождествления стоит за употреблением указательных ИГ при типе II ("модификация"), а также распространяется на те случаи, которые не подходят под определение модификации (ср. примеры (30)–(32)). В (30) происходит изменение референциального статуса референта: сначала референт имеет неконкретно-референтный статус. При втором упоминании референта "сумятица" статус референта меняется на конкретно-референтный: *сумятица, которая возникла во время данного конкретного передвижения в ночное время*. Для того, чтобы, несмотря на изменение статуса, слушающий мог правильно идентифицировать референт, употребляется указательная ИГ.

(30)

Такое двукратное передвижение в ночное время не может обойтись без сумятицы; эта сумятица возникла с тем большей силой, что и прорыв из тыла [3].

В (31) антецедентом является вся предыдущая предикация. Употребление простой ИГ было бы возможно, но только если бы имелся бы в виду процесс (борьбы). Здесь, очевидно, автор имеет в виду факт.

(31)

Теперь никто не стрелял, боясь попасть в Синцова, а он и сошедший с ума красноармеец несколько секунд яростно выкручивали друг у друга винтовку. В этой борьбе Синцов постепенно перехватил винтовку обеими руками за ложе, а красноармеец теперь держался за ствол [3].

(32) – пример того, насколько может изменяться значение именной группы в зависимости от того, употребляется простая ИГ или указательная. При употреблении простой ИГ "их школы" референт будет иметь неконкретно-референтный статус, и смысл текста будет заключаться в том, что и первый участник, он, и второй, Гриша Двалишвили имели общий пункт в своей биографии – школу. При употреблении указательной ИГ становится ясным, что школа – это не школа вообще, а конкретная школа, наверное, с каким-то номером, где учился один из героев, именуемый посредством местоимения он в предыдущей предикации:

(32)

Пока что он был списан и числился военруком в Тырныаузе, в школе. Из этой школы пришел к нам и Гриша Двалишвили, паренек лет семнадцати [7].

3. Третьей функцией указательных ИГ является пейоративная функция. Эта функция полностью соответствует четвертому типу употребления указательных ИГ нашей классификации (см. раздел 3.5).

С учетом полученных выводов об употреблении указательных ИГ, можно представить себе, как функционирует модель референциального выбора в целом. Сначала происходит проверка, нет ли условий для употребления указательных ИГ в одной из своих функций (см. Рис. 3). Если такие условия имеются, то, при отсутствии блокирующих фильтров употребляется *этот* X. Если таких условий нет или если они имеются, но есть также фильтры, блокирующие употребление *этот* X, то на основании уровня активации выбирается простая ИГ или местоимение. Если нет блоки-

рующих фильтров на употребление простой ИГ или местоимения, употребляется соответствующее референциальное средство. Если такие фильтры имеются, то употребляется указательная ИГ (этот случай соответствует Типу I в вышеописанной классификации).

Механизм референциального выбора

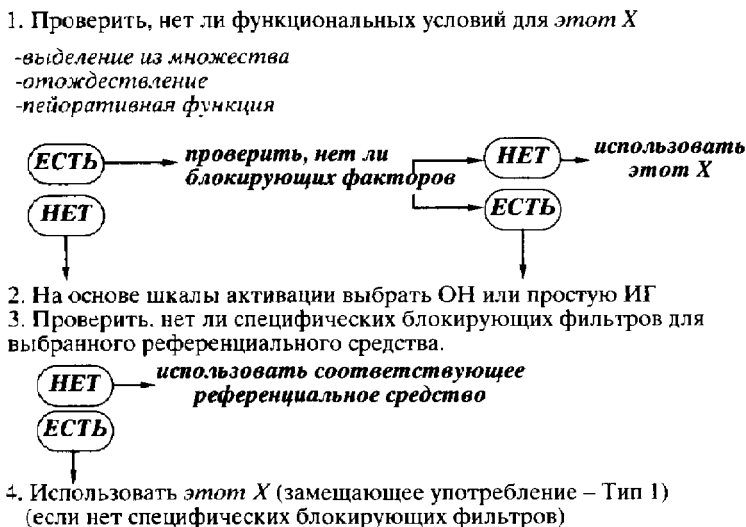

Рис. 3

5. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящей работе было рассмотрено употребление важного, но недостаточно изученного референциального средства в русском языке – именных групп с указательным местоимением *этот*. Мы рассмотрели различные случаи употребления указательных ИГ с целью найти ответ на вопрос, какие факторы делают их употребление возможным и предпочтительным по сравнению с другими референциальными средствами – местоимениями и простыми ИГ. На материале корпуса примеров были выделены четыре основных типа, когда употребляется указательная ИГ: **замещающее употребление указательных ИГ; выделение одного элемента из множества; модификация репрезентации референта; пейоративное употребление указательных групп**. При замещающем употреблении указательных ИГ (Тип I) было выделено несколько факторов, выступающих в роли фильтров, которые при высоком уровне активации запрещают употребление местоимения и при низком – простой ИГ, делая возможным употребление только указательной ИГ.

В результате рассмотрения случаев употребления указательных ИГ с точки зрения "прототипических" свойств указательных ИГ получилась система, состоящая из трех функций: 1) функции выделения из множества; 2) функции отождествления; 3) пейоративной функции. Интересно, что тогда как употребление указательных ИГ в первой функции достаточно естественно – выделять объект из множества восходит к базовой дейктической функции, присущей еще исконным дейктическим элементам, употребление в пейоративной – дистанцирующей функции, кажется, прямо противоположно семантике демонстративов ближнего дейксиса – указывать на ближайший объект. Эти три функции являются сугубо специфическими для употребления указательных ИГ, в отличие от простых ИГ и местоимений.

Предложенная в данной работе объяснительная модель представляет собой базис для дальнейших исследований в области употребления указательных ИГ. Вот некоторые проблемы, представляющие интерес при последующем изучении указательных референции:

- установление большего количества "блокирующих" факторов;
- определение связей между различными типами употребления указательных групп;
- выявление факторов, предопределяющих выбор указательной группы в контекстах, где указательная ИГ "замещает" простую ИГ и местоимение, и на оба референциальных средства не воздействуют никакие фильтры;

исследование расстояния до антецедента, при котором в русском языке действует запрет на полный повтор именной группы.

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ ИСТОЧНИКОВ ПРИМЕРОВ

[1] – Ф. Искандер. "Школьный вальс, или энергия стыда".

[2] – Ф. Искандер. "Стоянка человека".

[3] – К. Симонов. "Живые и мертвые".

[4] – В. Катаев. "Белеет парус одинокий".

[5] – А. Солженицын. "Архипелаг Гулаг".

[6] – М. Булгаков. "Мастер и Маргарита".

[7] – Др. авторы.

Большая часть примеров представлена в сокращенном варианте в целях экономии места. Сокращения производились с минимальными изменениями структуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Богуславская, Муравьева 1987 – О.Ю. Богуславская, И.А. Муравьева. Механизм анафорической номинации // Моделирование языковой деятельности в интеллектуальных системах / Под ред. А.Е. Кибрик, А.С. Нариньяни. М., 1987.
- Кибрик 1987 – А.А. Кибрик. Механизмы устранения референциального конфликта в русском языке. Моделирование языковой деятельности в интеллектуальных системах / Под ред. А.Е. Кибрик, А.С. Нариньяни. М., 1987.
- Кибрик 1997 – А.А. Кибрик. Моделирование многофакторного процесса: выбор референциального средства в русском дискурсе // Вестник МГУ. 1997. № 4.
- Крейдлин, Чехов 1988 – Г.Е. Крейдлин, А.С. Чехов. Соотношение семантики, актуального членения и прагматики в лексикографическом описании анафорических местоимений (на материале местоимений группы ТОТ) // Препринт Института русского языка АН СССР. Вып. 178. М., 1988.
- Куликов 1985 – Л.И. Куликов. О взаимозаменяемости анафорических местоимений *этот* и *такой* // Вестник МГУ. Серия 96: Филология. 1985. № 1.
- Падучева 1985 – Е.В. Падучева. Высказывание и его соотнесенность с действительностью. 1985.
- РГ 1980 – Русская грамматика. 1980. В 2-х томах. М., 1980.
- Ariel 1990 – M. Ariel. Accessing noun phrase antecedents. London, 1990.
- Ariel 1994 – M. Ariel. Interpreting anaphoric expressions: A cognitive versus a pragmatic approach // Journal of Linguistics. 1994. № 30.
- Geluykens 1994 – R. Geluykens. The pragmatics of discourse anaphora in English: Evidence from conversational repair. Berlin, 1994.
- Givón 1983 – T. Givón ed. Topic continuity in discourse: A quantitative cross-linguistic study. Amsterdam, 1983.
- Grice 1975 – H.P. Grice. Logic and conversation // P. Cole, J.L. Morgan (eds.). Syntax and semantics 3. Speech acts. 1975.
- Gundel et. al. 1993 – J.K. Gundel, N. Hedberg, R. Zacharski. Cognitive status and the form of referring expressions in discourse // Language. 1993. V. 69. № 2.
- Huang 2000 – Y. Huang. Discourse anaphora: Four theoretical models // Journal of pragmatics. 2000. № 32.

- Kibrik 2000 – A.A. Kibrik. A cognitive calculative approach towards discourse anaphora // P. Baker, A. Hardie, T. McEnery, A. Siewierska (eds.) *Proceedings of the discourse anaphora and reference resolution conference (DAARC 2000)*. Lancaster University: University Center for computer corpus research on language, Technical papers 12. 2000.
- Kronrod, Engel 2001 – A. Kronrod, O. Engel. Accessibility theory and referring expressions in newspaper headlines // *Journal of Pragmatics*. 2001. № 33.
- Leech 1983 – G. Leech. *Principles of pragmatics*. London, 1983.
- Levinson 1995 – S.C. Levinson. Three levels of meaning // Frank Palmer (ed.). *Grammar and meaning*. Cambridge, 1995.
- Maes, Noordman 1995 – A. Maes, L. Noordman. Demonstrative nominal anaphors: a case of nonidentificational markedness // *Linguistics*. 1995. № 33.
- Reinhart 1983 – T. Reinhart. *Anaphora and semantic interpretation*. London, 1983.
- Takami 1987 – Ken-Ichi Takami. Anaphora in Japanese: some semantic and pragmatic considerations. *Journal of pragmatics*. 1987. № 11.
- Tomlin 1987 – R.S. Tomlin. Linguistic reflections of cognitive events // R.S. Tomlin (ed.). *Coherence and grounding in discourse*. Amsterdam, 1987.